

УДК 130.11+159.964+316.4+517+530

О НОВОМ ВАРИАНТЕ ОНТОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО*И.В. Данилевский*

С позиций философской онтологии рассматриваются аспекты человеческой психологии и социальных отношений, связанные с так называемым «коллективным бессознательным», через призму ряда современных представлений о человеческой психике как о квантовоподобной системе. Подчеркивается необходимость совместного применения р-адического математического анализа и представлений о квантовоподобных процессах в «коллективном бессознательном».

Ключевые слова: р-адический математический анализ; коллективное бессознательное; социальные процессы; квантовоподобные системы.

Проблема сущности и механизма функционирования того, что принято называть разумом, сознанием, психикой, при всем различии вышеперечисленных понятий содержит в себе нечто общее — крайне незначительный прогресс в понимании этой проблемы в науке и философии со времен Декарта. В то же время необходимые компоненты конкретно-научных знаний и гипотез, способные вывести нас на новый уровень понимания, уже давно присутствуют в научном дискурсе, но в силу их рассредоточенности по разным секторам знания они крайне редко подвергаются осмыслению и в науке, и особенно в философии.

Написанная в 2001 г. работа [5] автора этих строк была посвящена, в частности, анализу так называемого неофеодализма в современном мире. Речь идет о следующем. Современную эпоху принято считать не столько «капиталистической», сколько «постиндустриальной», «посткапиталистической» и даже «постэкономической». В то же самое время в эту «посткапиталистическую» и «постиндустриальную» эпоху существует ряд политико-экономических структур, которые можно обнаружить повсеместно, но для которых характерен ряд черт, совершенно не вписывающихся в каноны даже классического капитализма. В наиболее чистом, неприкрытом виде — преимущественно в «не-западных» странах (а среди западных стран — в не-англосаксонских государствах). Для простоты изложения их характерных черт

мы будем в дальнейшем называть данные структуры словом «система».

Первое. Это система, при которой люди с юридической точки зрения обычно считаются равными в основных правах и лично свободными. Однако фактически (в экономических и политических отношениях) они не равны между собой, причем их неравенство образует нечто очень напоминающее сословия в средневековых европейских государствах. Последнее выражается в том, что основные средства производства и наиболее прибыльные сферы в экономике распределяются между людьми, занимающими привилегированное положение по отношению ко всем остальным участникам рынка. Эти привилегии связаны не с их собственными заслугами (например, с более эффективной организацией менеджмента или маркетинга и, как следствие, овладением большей долей рынка), а с исключительно внеэкономическими обстоятельствами: национальными (этническим происхождением, принадлежностью к определенной касте в традиционном смысле этого слова), родственными (клановыми) и трайбалистскими отношениями, просто личными дружескими знакомствами и, наконец, коррупционными связями. Внутри этих привилегированных слоев выстраивается своя система «сюзеренитета-вассалитета» (вассально-ленных отношений), т.е. кто-то из них занимает более высокое, кто-то менее высокое положение по отношению друг к другу. Это обуславливает взаимные обязательства, но в пер-

вую очередь — обязательства нижестоящих по отношению к вышестоящим, касающиеся правил поведения на рынке (распределение наиболее прибыльных сфер, отчислений денежных средств вышестоящим «патронам» и др.). Остальные участники рынка могут вести свои дела свободно в строго определенных пределах на манер крестьян, пользовавшихся относительной автономией при феодальных порядках. Если они захотят перейти на принципиально более высокий уровень, им этого не позволят сделать или, во всяком случае, максимально затруднят с помощью внеэкономических методов, а их обычная деятельность всегда будет сопряжена с уплатой ренты в виде платежей или непредусмотренных законом или договором работ или услуг. В противном случае в отношении их может быть использовано внеэкономическое давление.

Второе. Эта система характеризуется соединением экономического господства с политическим.

В качестве **третьей** черты системы можно выделить «застойный» характер распределения власти и собственности; например, господство родоплеменных кланов в странах Тропической Африки, трайбалистских и кровнородственных — в Азии.

В работе [5], кроме указанных выше важнейших признаков, мы исследовали производные от них, а также некоторые иные явления в современной действительности, которые по своему фактическому (т.е. неюридическому) характеру функционирования представляют существенную аналогию с такими же явлениями времен традиционного феодализма; среди последних особо выделяется такая практически неинституционализируемая структура, как организованная преступность, — публицистические выражения о ней типа «криминальные бароны, взимающие дань» совсем неслучайны.

Подробное рассмотрение всех этих явлений носило бы сугубо социолого-политологический характер. Сейчас же мы лишь обозначим главный тезис по результатам анализа всех названных выше явлений. Практически любая (за очень немногими исключениями) политическая власть представляет собой совокупность каких-либо «феодализованных кланов». «Кланы» и есть те привилегированные группы, которые образуются по различным указывавшимся вы-

ше принципам: этническим, трайбалистским, кровнородственным и др. Соответственно, для их характеристик справедливо все вышесказанное о «системе». Мы бы не стали сейчас делать вывод, что другая структура распределения политической власти и собственности, называемая «капитализмом», вообще не существует, но мы уверены в том, что если капитализм и существует, то лишь как отдельные островки или в лучшем случае материка в мировом океане описанной выше системы.

В работе [5] осуществлялся в том числе конкретный историко-социологический анализ предыдущих исторических эпох в плане соответствия их характеристикам «системы». По его итогам был сделан следующий вывод: в исторические периоды до XVIII в. н.э. включительно, по большому счету, существовала лишь одна типологическая структура распределения политической власти и собственности, имевшая несколько разновидностей (в том числе «восточную» с «азиатским способом производства»), но в рамках, подчеркнем снова, некоего единого предельно широкого типа, а рабовладение было локальным отклонением от этого порядка. Если же соединить этот конкретно-научный вывод с результатами анализа современных проявлений системы (и в западном, и в восточном мире), получается уже вывод социально-философский: вполне правомерно говорить о том, что по большому счету в истории политической власти существовала и существует только одна эта структурная система (а рабовладение и капитализм — это не более чем локальные явления в рамках всеохватывающей системы). И правомерно поэтому считать именно ее «идеальным типом» всякой политической власти.

Подчеркнем отдельно: именно «идеальным типом» и именно в философском смысле, поскольку, разумеется, для социолога или политолога, как и для обычного, рядового человека в современном мире, различия между системой власти и собственности времен династии Хань в Китае, феодализмом во Франции XIV в. и «феодальным корпоративизмом» (термин американского политолога Генри Кэриела, описывавшего американскую же политическую систему) в сегодняшних США имеют огромное значение. Но эти различия, как нам представляется, не имеют такого значения для социальной

философии, так как философия может и должна абстрагироваться от конкретных частных и осваивать всеобщее.

Возникал вопрос о том, каким термином лучше обозначить данный **идеальный тип политической власти**, или, что то же самое, какое название лучше дать обрисованной «системе». С нашей точки зрения, подходил термин **«феодализм»** (в его максимально широком смысле), а применительно к XX и XXI в. — **«неофеодализм»**. Тем более что в русской философии можно встретить прецеденты именно такого использования этого слова — в предельно всеохватывающем значении, не исключая его применения и к государствам с «азиатским способом производства». Например, русский консерватор К.Н. Леонтьев в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», обсуждая перспективы эгалитаризма, предсказывал появление «нового социалистического феодализма» следующим образом:

«Если ... анархисты и либеральные коммунисты, стремясь к собственному идеалу крайнего равенства (который невозможен), своими собственными методами необузданной свободы личных посягательств должны ... привести ... общества ... к большой неподвижности и весьма значительной неправомерности, то можно себе сказать вообще, что социализм, понятий как следует, т.е. не что иное как новый феодализм ... конечно, не в тесном и специальном его значении романо-германского рыцарства, а в самом широком его смысле, т.е. в смысле глубокой неправомерности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном и государственном...» [цит. по: 14, с. 583].

У другого русского консерватора — Н.Я. Данилевского — в его знаменитой работе «Россия и Европа» можно встретить следующие строки:

«Вообще история представляет нам три формы народных зависимостей, составляющих историческую дисциплину и аскезу народов: рабство, данничество и феодализм... Слово “феодализм” я принимаю в самом обширном смысле, разумея под ним такое отношение между племенем, достигшим преобладания, и племенем подчиненным, при котором первое не

сохраняет своей отдельности, а расселяется между покоренным народом. Отдельные личности его завладевают имуществом покоренных, но если не юридически, то фактически оставляют им пользование частью прежней их собственности — за известные подати, работы или услуги в свою пользу» [8, с. 234–235].

Последние слова Н.Я. Данилевского можно использовать в качестве хорошего сравнения с современной ситуацией «неофеодализма». Действительно, «неофеодалы», которые постоянно взимают «дань» с не-элиты общества (например, мафиозные группы и их руководители), — это не какие-то посторонние, пришлые люди, а те, кто живет среди нас, в обществе, подчиняя его изнутри. Исходя из вышесказанного, можно подтвердить предположение, что термин «феодализм» вполне применим для обозначения доминирующего в человеческой истории идеального типа структуры политической власти.

В той же работе [5] нами была приведена цепочка рассуждений, воспроизводить которую сейчас нам не позволяет объем настоящей статьи, из которой следовал вывод, что корни подобной ситуации нужно искать в специфической организации коллективно-бессознательных слоев психики людей — организации, напрямую не связанной ни с конкретными экономическими, ни с конкретными социальными, политическими или культурными особенностями данной страны, в которой вышеописанная система возникает. Скажем, «восточная деспотия» с «азиатским способом производства» была характерна и для Древнего Египта, и для Советского Союза при том, что их «экономический базис» по К. Марксу или уровень научно-технического развития по У. Ростоу, Д. Беллу и др. разделяла пропасть. Зато и в том, и в другом случае наблюдались крайняя мифологизированность общественного сознания, сакрализация власти, культ вождя и тому подобные однотипные факторы чисто психологического характера.

Кроме того, одним из предметов исследования [5] был так называемый архетип коллективного бессознательного человечества, именуемый «Мировым Древом». В культурологических и междисциплинарных [4] исследованиях часто подчеркивается, что именно этот архетип, наглядное воплощение которого — ни что иное, как новогодняя ель, является стержнеоб-

разующим для практически всех известных мифологических систем; что именно он в былые эпохи знаменовал собой связь мира земного и мира божественного, небесную и земную властную иерархии (в связи с последним обстоятельством автор настоящей статьи и использовал его в своей работе [5], посвященной анализу инвариантных структур политической власти). И, наконец, уже в связи с написанием работ [6; 7] автору довелось ознакомиться с работой А.С. Карпенко [11], в последних строках которой содержался примечательный вывод, казалось бы, из совершенно другой области:

«Итог можно подвести следующий. **Как истинностные значения, так и возможные миры** (моменты времени, точки соотнесения) не являются абстрактными элементами (точками) в алгебраических и реляционных семантиках, а **представляют собой некоторые структуры**. Структурализация этих объектов не является столь уж случайной. **Истинностные значения** многозначных логик, а в некоторых случаях и точки соотнесения, для удобства обозначаются числами (дробными, натуральными, целыми и т.д.). **Но в работе А.С. Карпенко “Конечнозначные логики Лукасевича...” показано, что исходные “кирпичики” математики, т.е. простые числа, также являются структурализованными, а именно каждое простое число представимо в виде корневого дерева»** [11, с. 188] (выделено нами. — *И.Д.*).

После этого стало ясно, что такие совпадения не могут быть случайными: Мировое Древо как центральный архетип коллективного бессознательного, организующий мифологические системы почти у всех народов мира; древовидная «феодално-клановая» структура политической (и, надо сказать, не только политической) власти; древовидная структура истинностных значений в многозначных логиках; древовидная структура логического вывода вообще как в науке, так и в повседневной жизни, и так далее, вплоть до древовидной организации каталогов и файлов в домашнем компьютере. Подобная универсальная мыслительная тяга человека должна была иметь какое-то единое объяснение. И похоже, что один современный исследователь, специалист в области математики и математической физики А.Ю. Хренников, дал это объяснение — правда, не применительно к разбиравшимся нами феодализации власти, орга-

низации мифологического мировосприятия или древовидным истинностным значениям в многозначных логиках, а применительно только к структурам мышления как такового, но это даже и к лучшему, т.к. его подход включает в себе максимальную всеобщность. К величайшему сожалению, его попытка осталась почти незамеченной и его коллегами, и философами.

«Однажды много лет назад Декарт, взглянув через зарешеченное окно на росший во дворе дуб, понял, что с помощью оконной решетки можно задать числами положения частей дуба: ствола, ветвей, листьев, — оцифровать дуб... Декарт воскликнул: “Эврика!” (или еще что-то в этом роде) и создал прямоугольную декартову систему координат. Это был момент величайшего значения в математизации физики. Любой материальный объект мог быть закодирован с помощью декартовых координат» [19, с. 6].

Так начинает А.Ю. Хренников одну из своих основных (в контексте нашей статьи) работ. Как он пишет далее, «реальность» вещественной декартовой модели R^3 , используемой для описания движения материальных тел, является результатом многовековой научной эволюции. Используя ее, удалось адекватно описать широкий круг явлений в мире материи. Однако уже в начале XX в. стало ясно, что **некоторые физические явления невозможно описать в физическом пространстве R^3 . Адекватное описание явлений возможно только в комплексном гильбертовом пространстве H , которое и играет роль координатного пространства в квантовой физике. «Конечно, можно попытаться использовать для описания духовного мира ту же систему координат, что использовалась и для описания материального мира. И по этому пути идет подавляющее большинство исследователей** (выделено нами. — *И.Д.*). В частности, в сотнях лабораторий по всему миру (с помощью все более и более совершенных магнитно-резонансных приборов) создаются все более и более точные вещественные декартовы карты активации нейронов в головном мозге. Это интересный вид деятельности, — пишет А.Ю. Хренников. — Однако не верится, что он может привести к пониманию духовных процессов» [19, с. 8].

«В последнее время, — продолжает он, — так же проводятся многочисленные исследования по созданию квантовых моделей работы мозга. В принципе, — замечает Хренников, — это правильное направление. Убедившись, что дух невозможно вложить в R^3 , стоит попытаться вложить его в гильбертово пространство H . Однако подавляющее большинство квантово-ментальных исследований базируется на крайне сомнительном постулате редукции: *духовные процессы могут быть сведены к квантовым физическим процессам в микромире* (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Например, Роджер Пенроуз пытается свести акт мышления к гравитационному коллапсу. В моей работе ... приведены серьезные критические аргументы против квантово-физической редукции духа. Квантовые модели могут использоваться для описания духа, но они не должны быть основаны на постулате редукции. Квантовое поведение духа есть следствие его специфической информационной структуры, а не эффект квантового поведения микроскопических составляющих человеческого мозга» [19, с. 8–9].

«Однако, — продолжает А. Хренников, — квантовые модели духа не являются основным предметом исследований, представленных в этой книге... Это, в общем-то, следующий этап исследований». В данной своей книге Хренников, по его словам, хочет создать классическую психофизику. Каким же образом он собирается это делать? С помощью привлечения так называемых p -адических чисел. «Важнейшей чертой вещественного континуума, — пишет он, — является его однородность. Все точки физического пространства (с моделью R^3) равноправны. Мы не можем сказать, что одна точка важнее другой. Однако дух неоднороден! Мы не можем сказать, что все человеческие мысли, идеи, понятия, чувства равноправны. Более того, дух иерархичен! Существует четко выраженная иерархия понятий, образов, чувств. Однако *полной упорядоченности в ментальном пространстве нет* (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Невозможно иерархически упорядочить все понятия, образы, чувства. Существуют несопоставимые (“несоизмеримые”) духовные объекты» [19, с. 9].

«Вернемся, — пишет А.Ю. Хренников, — к декартовому дубу и рассмотрим его не через прямоугольную решетку окна, а с точки зрения

иерархии частей дуба. С некоторым удивлением обнаружим, что наилучший способ иерархической кодировки дерева состоит в использовании самой структуры дерева в качестве координатной сетки... Таким образом, если бы Декарт в XVII веке заинтересовался не вложением дуба в однородное вещественное “физическое” пространство, а внутренней иерархической геометрией дуба, то, возможно, что вместо прямоугольной системы координат он бы открыл древовидную p -адическую систему координат» [19, с. 9–10].

После краткой характеристики системы координат p -адических чисел (она очень специфична) А. Хренников пишет следующее:

«Удивительный математический результат дает знаменитая теорема теории чисел — *теорема Островского*, утверждающая, что третьего “естественного континуума” не существует (курсив А.Ю. Хренникова. — *И.Д.*). Под естественным мы понимаем ... континуум, являющийся пополнением множества рациональных чисел Q и числовым полем. И R , и Q_p , p — простое, являются числовыми полями, пополняющими поле рациональных чисел Q . Здесь мы не будем вдаваться в детали вложения Q в Q_p , т.е. представления рациональных чисел некоторым множеством ветвей p -адического дерева... Таким образом, в силу теоремы Островского любое пополнение поля Q , являющееся полем, — это либо поле вещественных чисел R , либо одно из p -адических чисел Q_p , p — простое. Лично я, — замечает А.Ю. Хренников, — отношусь к теореме Островского с почти религиозным трепетом, считая, что это знак свыше, указывающий, что природа состоит из двух и только двух частей. Одна из них описывается вещественными числами, а другая p -адическими... Классическая физика — это вещественная физика. Предстоит понять, какая же часть природы описывается p -адическими числами» [19, с. 11–12].

На наш взгляд, очень интересный и нестандартный подход! После ознакомления с ним невозможно не провести параллелей с Мировым Древом в мифологии, феодальной кланизацией власти в политике, древовидными истинностными структурами в логике и вообще в человеческом мышлении. Как уже говорилось ранее, подобная универсальная мыслительная тяга человека должна иметь какое-то единое

объяснение и похоже, что А.Ю. Хренников дал это объяснение. Теорема Островского плюс неудача более чем полувековых попыток объяснить действие человеческого разума через классические (в смысле приверженности декартовым системам координат и до-квантовой физике) модели нейронных сетей приводят к единственно возможному выходу из застарелого тупика: переходу к «исходным кирпичикам» анализа психологической, духовной реальности в виде древовидных p -адических структур. Почти наверняка проследить и то, к каким следствиям идеи Хренникова приводят применительно к основным фигурантам уже нашей монографии [7] — квантовым моделям психологии и следствиям из них для философских дисциплин, особенно для социальной философии:

«В 1984 году В.С. Владимиров и И.В. Волович предположили, что p -адические числа могут быть использованы для описания пространства на фантастически малых расстояниях, так называемых планковских расстояниях... В 1987 г. И.В. Волович предложил использовать p -адическое пространство в теории струн. Работа И.В. Воловича ... вызвала настоящий шквал публикаций по p -адическим струнам... По существу, Владимиров и Волович выразили в четкой математической форме неясные представления о неархимедовости (и неупорядоченности) пространства в микромире, витавшие на протяжении десятилетий в космологии, теории гравитации и теории струн» [19, с. 12]. «...Тем не менее, — пишет Хренников, — после написания монографии ... в 1994 году я стал задумываться над тем, что, возможно, p -адические координаты описывают какую-то другую часть природы, отличную от микромира. В это время впервые после революции на русском языке были опубликованы труды Зигмунда Фрейда. Читая его книги, я загорелся идеей создать математическую теорию, описывающую психологическое поведение и, в частности, формализующую психоанализ. Старт с трудов Фрейда, а не с исследований по нейрофизиологии и когнитивным наукам, сыграл фундаментальную роль в моих дальнейших исследованиях. Начиная с современной нейрофизиологической и когнитивной литературы, я бы постепенно погряз в R^3 -картах мерцания возбужденных нейронов, работе нейронных сетей, потоках электричества в мозге, т.е. был бы

автоматически вовлечен в использование для исследования духовных процессов вещественной декартовой системы координат (развитой для исследования материи). Однако Зигмунд Фрейд не писал о функционировании нейронных систем. Он описывал потоки идей, представлений и желаний, причем эти духовные объекты в фрейдистском описании были не менее реальны, чем материальные объекты. Духовные объекты эволюционируют, взаимодействуют друг с другом; здесь активно действуют духовные силы. Например, одна из таких сил вытесняет сильные... но запретные переживания в область бессознательного, создавая тем самым комплексы. Комплексы, в свою очередь, индуцируют силы, действующие из подсознания на потоки осознанных идей. Интуитивно было ясно, что мы имеем дело с динамикой в духовном (ментальном) пространстве, весьма схожей с динамикой материальных объектов в физическом пространстве. Необходимо было лишь ввести соответствующую систему духовных координат и математически описать ментальные потоки. Из соображений, которые уже приводились выше, я сразу отмел возможность использования R^3 -модели. Как уже отмечалось, духовное пространство не является однородным; оно также не является упорядоченным... С другой стороны, в духовном мире существует четкая иерархическая структура. Заметим, что неупорядоченность вполне согласуется с иерархичностью. Для двух духовных объектов x и y всегда существует некоторый духовный объект z , который стоит в иерархической вертикали выше x и y . Однако при этом x и y могут быть несравнимы между собой. Имея огромный опыт работы в p -адической физике, я сразу обратил внимание на то, что p -адические деревья удовлетворяют вышеприведенным требованиям к духовным пространствам» [19, с. 14–15].

В дальнейшем (глава 5 работы [19]) А.Ю. Хренников развивает теорию, аналогичную интерпретации Дэвидом Бомом квантовой механики, утверждающей, что кажущееся случайным, спонтанным изменение состояний квантового объекта в действительности неслучайно и управляется нелокальными скрытыми параметрами (теория «волны-пилота»), но делает это, что принципиально важно, на новой математической основе p -адических чисел. Только одно обстоятельство, на наш взгляд,

сильно портит его работу: в ней, в том числе и в вышеуказанной главе, он рассматривает сознание как квантовоподобный феномен, считая бессознательное феноменом классическим. В действительности, на наш взгляд, все обстоит ровным счетом наоборот. О чем конкретно идет речь?

В исследованиях систем различного класса хорошо известны так называемые гиперболические распределения, которые часто называют «ципфовскими». Это распределения (или законы) Ципфа, Парето, Лотки, Уиллиса, Бредфорда и др. Их общая черта — резкая асимметричность в отличие от «гауссовых» распределений, а удивляющая и до сих пор не объясненная специалистами особенность — выраженность одной и той же по сути математической формулой, в которой варьирует только показатель степени (формула записывается в двух видах — частотном и ранговом, но это непринципиально). Например, закон Парето гласит, что приблизительно 80% богатств принадлежит 20% населения, 80% работы выполняется 20% работников, 20% клиентов приносят 80% прибыли и т.п., а закон Ципфа устанавливает не менее асимметричное использование слов в законченных текстах большого объема, фонем и слогов. Аналогичная асимметрия наблюдается в распределении численности населения по городам. Но, вероятно, самым строго подтверждающимся в том виде, в котором он был в свое время открыт, является закон Лотки. Он касается распределения научной продуктивности ученых, выражающейся в числе их публикаций. В 1926 г. американский математик Альфред Лотка подсчитал число ученых, написавших одну, две и т.д. статьи, приведенные в реферативном журнале по химии за десять лет, и получил распределение, в котором показатель степени равнялся единице. Его результаты получили большой резонанс, вдохновив на подобные исследования других, и очень скоро дело дошло до того, что справедливость закона Лотки стало возможно проверять на числе публикаций, посвященных закону Лотки. И, более того, стала вырисовываться почти анекдотичная ситуация, поскольку выяснилось, что распределения такого же характера, т.е. резко асимметричные, описывают, например, умение играть в гольф, результаты сдачи экзаменов по математике и число владельцев имений (по их

годовому доходу), принявших участие в восстании якобитов в 1717 г. [17, с. 8–10]. После всех этих открытий специалисты не могли не признать, что появился новый класс распределений. Их называли «негауссовыми», подчеркивая тем самым отличие от симметричных распределений, названных в честь немецкого математика, и на повестку дня встал вопрос об их объяснении.

Объяснения давались всегда. Попытки делались и авторами данных открытий, и другими специалистами, но все они в той или иной степени признавались неудовлетворительными, т.к. всегда недоставало какого-то связующего звена. Чаще всего это делалось следующим образом: закон Ципфа – Парето — результат действия двух взаимонаправленных факторов. Например, если говорить о числе публикаций в научных изданиях, то эти факторы таковы: желание публиковаться и пропускная способность журналов. Однако, как показал еще А. Лотка, открытый им закон описывает число открытий по физике за период с 1600 по 1900 г., проверенных по трудам Лондонского королевского общества. Такой автор, как Д. Крейн, указывает, что данному закону подчиняются открытия и изобретения в других сферах [20, с. 73], хотя на их выдвижение не влияет пропускная способность журналов. Уже в наши дни синергетики — например Г. Малинецкий, — интерпретируют данные закономерности как «самоорганизованную критичность». Имеется в виду то, что, во-первых, элементы в системе, подчиняющейся закону Ципфа, взаимосцеплены между собой, а сама система высокоадаптирована к быстро меняющимся условиям, поэтому платой за такую самоорганизованность является «критичность» — небольшое изменение условий вызывает лавинообразные изменения (см. об этом: [12, с. 88]). Дело в том, что данному закону подчиняется и распределение числа частиц — например песчинок — в сошедшей лавине, а рассмотрение моделей схода лавин, турбулентности и т.п., как известно, типично для синергетики. Но как приложить такое объяснение к тому же самому факту: подчиненности ципфо-паретовскому закону выдвижения открытий, изобретений? **В этом случае получается, что мысли, идеи самых разных, не связанных между собой в повседневной жизни людей оказываются сцепленными, как в**

обычной материальной системе. К слову сказать, примерно то же самое получается и при ситуации, рассматривавшейся еще В. Парето, когда 20% работников — независимо от марксистского тезиса о «форме собственности на средства производства» — делают 80% работы в коллективе. Как-то «само собой» получается, что суммарные вклады каждого из работников в итоге выравниваются, отливаясь в паретовскую формулу. Разумеется, это производит меньшее впечатление, чем то, когда разные ученые и изобретатели, часто даже не подозревая о существовании друг друга, делают, как им кажется, сугубо индивидуальную работу, которая на проверку оказывается выраженной коллективной формулой, но тем не менее. Так неужели все-таки наши мысли — это в какой-то степени не только наши мысли? И если это верно, то как такое оказывается возможным? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует вникнуть в механику зарождения самих наших мыслей и (как частный случай) научно-изобретательских идей.

Если мы считаем, что за порождения нашей психики ответственно сознание, то мы в таком случае окажемся в тупике — сознательно люди в вышеописанных ситуациях между собой не взаимодействовали. Если мы будем по инерции продолжать рассуждать, что за наши мысли ответственно в первую очередь сознание, а бессознательное — лишь вспомогательная часть нашего «Я», то ситуация не изменится. Однако если мы примем, что именно бессознательное является ведущей силой в нашем психическом аппарате (а, вообще говоря, это уже доказано опытами Либета — см. об этом [15, с. 260–261]), то перед нами предстанет совершенно иная картина.

Открытия и изобретения в первую очередь бессознательны: это интуитивный прорыв, лишь подготавливающийся и завершающийся сознательной обработкой. Сочинение литературных и прочих произведений — это тоже в первую очередь бессознательный процесс, как и любое творчество. Наша повседневность, в том числе экономическая, в том числе трудовая, — это в первую очередь неформальные и лишь затем формальные отношения, а отношения неформальные — это то, что напрямую подвержено влиянию спонтанно возникающих реакций, т.е. тоже опирающихся на бессозна-

тельное как фундамент. Поэтому весь вопрос заключается в том, как трактовать устройство нашего бессознательного. Если ориентироваться в первую очередь или исключительно на бессознательное индивидуальное, как это делали Фрейд и Адлер, то от этого прояснится не-намного больше, чем когда мы берем в расчет только сознание. Однако если вспомнить, что существует еще бессознательное коллективное, о чем много и плодотворно писал Карл-Густав Юнг, мы и получим первый необходимый нам ключ для разрешения проблемы пронизанности социальных отношений ципфо-паретовскими распределениями.

Юнг, как известно, писал о коллективном бессознательном в основном в контексте «архетипов», но при всем нашем величайшем уважении к этому ученому и мыслителю нельзя не признать, что данный подход достаточно феноменологичен. «Поздний» Юнг постепенно сместил фокус своих интересов с архетипов на проблему так называемой «синхронистичности» — смысловой тождественности событий при отсутствии между ними причинно-следственных связей и, что интересно, делал он это уже в период своего сотрудничества с одним из творцов квантовой механики В. Паули.

Зададимся вопросом (или вопросами): на что похожа ситуация, когда суммарный результат поведения множества людей оказывается одинаковым независимо от личностей, культур и эпох? На что похожа данная картина как в случае с законом Парето – Ципфа, так и в случае с инвариантной, не меняющейся веками основой «менталитета» (коллективного подсознания, т.е., по сути, способной быть осознанной частью коллективного бессознательного) того или иного народа? Нет ли каких-либо аналогий этому в мире природы?

Ответ на данный вопрос сколь прост, столь и, возможно, необычен с точки зрения обычных подходов: это похоже на так называемый «парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена» в квантовой механике.

В 1935 г. Эйнштейн и два его сотрудника опубликовали статью, в которой надеялись опровергнуть детище Бора – Гейзенберга – Шредингера. Суть этого парадокса можно передать следующим образом: если две частицы взаимодействовали между собой, между ними образуется так называемое «запутанное», или

же «зацепленное» (entanglement), т.е. скоррелированное состояние с общими суммарными характеристиками — импульсом, так называемым «спином» и др. После этого частицы разлетаются на любое мыслимое расстояние. Допустим, при суммарном спине, равном нулю, спин одной будет равняться «минус единице», следовательно, спин другой в то же самое время принимает значение «плюс единица». Поскольку частицы в микромире имеют свойство распадаться и взаимопревращаться самым различным образом, ограниченным только законами сохранения, то в процессе дальнейших взаимодействий суммарные характеристики у них должны оставаться общими. Ничего парадоксального, казалось бы, в этом нет. Однако все дело в том, что в микромире существует своего рода «берклианство». Конкретные значения многих характеристик частиц определяются **только в моменты наблюдения**. Поэтому экспериментатор, поймавший вторую частицу, совершенно не обязан обнаруживать, что ее характеристики скоррелированы с определенными до этого характеристиками первой частицы, однако именно это он всегда и обнаруживает. Эйнштейн считал, что подобное дальнее действие в микромире невозможно, и квантовая механика как минимум чего-то не учитывает. Однако проведенные в 1980-е г. А. Аспектом и др. эксперименты показали, что частицы действительно реагируют на измерения друг друга со скоростью, превышающей скорость света. Для многих такие результаты оказались неожиданными, но тем не менее факт остался фактом: частицы, хотя бы раз вступившие во взаимодействие между собой, «чувствуют» друг друга (см. об этом [18]).

Несмотря на существование по крайней мере с 1960-х гг. гипотез, обосновывающих, что в человеческом мозге происходят макроскопические квантовые процессы, пока не находятся способные убедить в этом скептиков экспериментальные подтверждения данным взглядам, а сами скептики избранную когда-то парадигму менять не торопятся (см. об этом [16]). Мы считаем, что дополнительными косвенными доказательствами именно квантовоподобной организации бессознательных, а значит — львиной доли всех мыслительных, процессов могут служить факты социального характера — и те,

что фиксируются законом Ципфа – Парето, и многие другие (см. об этом подробнее [7]).

Посмотрим, например, что происходит в том случае, когда выполняется закон Ципфа для текстов, т.е. когда количество использованных для его написания слов (или китайских иероглифов — такой вариант тоже проверялся Ципфом) оказывается распределенным согласно определенной гиперболической закономерности. Очевидно, что такая работа никогда не производится сознательно, а следовательно, осуществляется только бессознательно. В этом случае бессознательное действует как компьютер, который, во-первых, переводит любые символы любого языка — английского, русского или китайского — в числовую форму и, во-вторых, контролирует соотношенность использования слов с идейным замыслом текста с самого начала и до конца его написания тем или иным автором (в исследованиях, посвященных закону Ципфа, особо подчеркивается необходимость целостности текста, для которого справедлив данный закон: для произвольных отрывков он не работает). С другой стороны, чтобы координировать экономическую или глубоко интеллектуальную деятельность миллионов и миллиардов людей, число вариантов которой на порядки превосходит число атомов в наблюдаемой Вселенной (!), необходим, во-первых, новый тип компьютеров, способных делать такие вычисления; во-вторых, механизм доступа к формирующимся на подсознательном уровне мыслям (идеям) этих самых людей «в режиме реального времени», так и их практически мгновенное просчитывание и обработку. Вычисления с требуемой скоростью могут совершать только так называемые квантовые компьютеры. Согласно имеющимся гипотезам — например, гипотезе Е. Либермана [13], каждый нейрон — это такой компьютер. Поскольку *число атомов во Вселенной не превышает десяти в восьмидесятой степени, а задачу перебора десяти в пятисотой степени различных вариантов квантовый компьютер решит за несколько минут* (!) (см. [10, с. 220–221]), то вопрос «Если по крайней мере часть нашего бессознательного действует как сеть квантовых компьютеров, получая необходимую для обработки информацию с помощью эффекта, зафиксированного парадоксом Эйнштейна – Подольского – Розена (так называемой кванто-

вой нелокальности), сможет ли такая сеть компьютеров просчитать и “усреднить” по ципфопаретовской формуле деятельность нескольких миллиардов людей?» — становится риторическим. Это займет в среднем те же минуты или даже секунды.

Что же касается обвинений квантовых теорий **сознания** в «физикализме», то они, как это ни покажется противоречащим вышесказанному, действительно обоснованны, но к нашей гипотезе это не имеет равным счетом никакого отношения, потому что мы, как и А.Ю. Хренников, считаем, что квантовоподобность **бессознательного** — следствие ее специфической организационной структуры, а не сводимости к микропроцессам в мозге.

Таким образом, очень много фактов социального и психологического характера, рассмотренные в нашей монографии [7], и в частности — так называемый закон Ципфа – Парето, — косвенным образом указывают на то, что квантовоподобным является именно бессознательное, а сознание, как это вполне очевидно, является классической системой хотя бы потому, что в норме оно не находится в «расщепленном» состоянии «суперпозиции», характерном для квантовых объектов. Это, надо сказать, совершенно естественно и закономерно, т.к. именно бессознательное психическое напрямую граничит с соматикой, телесностью человека, а следовательно, — с материей, но все известные материальные процессы являются квантовыми. Если схему А.Ю. Хренникова «перевернуть» (т.е. считать квантовоподобным не сознание, а бессознательное, и именно бессознательное представить аналогом «ведущей волны» для «частицы», т.е. сознания), то она станет великолепной рабочей моделью. Пора уже специалистам по философским проблемам теорий сознания и социальной коммуникации обратить внимание на эту работу специалиста в области математической физики, чтобы вывести философию из круга одних и тех же, не меняющихся десятилетиями (а часто и столетиями) застарелых ходов мысли.

Подробно связанные со всем вышесказанным вопросы мы рассматриваем в монографии [7]. К.-Г. Юнгу не хватило времени сделать решающий шаг на пути объяснения своей же собственной трактовки коллективного бессознательного (архетипической и особенно синхро-

нистической) как квантовой или же квантовоподобной системы, хотя, сотрудничая с Паули, он уже начал движение по этому пути. После того как в восьмидесятые годы прошлого века был подтвержден парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена и была обоснована возможность создания квантовых компьютеров, а в девяностые годы — открыта так называемая квантовая телепортация (мгновенный, независимо от расстояний, перенос состояния частицы от одной к другой через посредство взаимодействовавшей с ними третьей в силу все той же квантовой нелокальности, фиксируемой в парадоксе ЭПР), пришло время «динамизировать» теорию коллективного бессознательного. Перейти от феноменологической статики к физико-математической динамике.

Вышеописанное направление исследований, сочетающее квантовую физику, радикальную математику и антиредукционизм в теории сознания, способно внести наиболее реальный вклад и в дело создания адекватной XXI в. онтологии разума, и в дело решения, так сказать, «основного вопроса социальной философии» и социогуманитарного знания вообще — отсутствия в этом знании должной степени точности и объективности. Вообще, данный трансдисциплинарный проект — не первая подобная попытка. Развитие трансдисциплинарных научных исследований и их философское осмысление во второй половине XX в. приблизительно до начала 1990-х гг. прошло под знаком системного подхода и построения различных вариантов общей теории систем (ОТС). Однако математические средства для этого, как сейчас становится ясно благодаря все тому же А.Ю. Хренникову, были выбраны негодные, «декартовские». Плюс ко всему на рубеже 80–90-х гг. прошлого века — особенно это касается нашей страны — произошло нечто невероятное. Системный подход — не столько, конечно, в науке, сколько в философии и мировоззрении широких слоев общества вообще — в очень существенной степени заменился «осколочно-зеркальным» постмодернистским подходом. По-видимому, в роли злого Тrolля здесь выступила политика с глобальным переделом власти и собственности у нас в стране и в мире: приватизационная и прочая вакханалия, разгуливающая прежде всего на просторах бывшей одной шестой части суши, нуждалась в

идеологическом, а в какой-то степени — и в философском оправдании. В то же самое время синергетика, гуманитарной версией которой и является постмодернизм, сегодня прочно утвердила себя в качестве господствующего трансдисциплинарного направления и в философии, и в учебных программах.

Тем не менее, вопреки этой доминирующей «странно-аттракторной» и «хаосовоспевающей» тенденции моделирование основополагающих психологических и социальных процессов возможно при использовании теории, на которой прямо или косвенно основан практически весь технический прогресс XX в., — квантовой механики. В своей книге «Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность» [7] мы, как уже говорилось, рассматривали в основном случай с так называемыми ципфо-паретовскими распределениями. Однако крайне важно понимать, что эти распределения охватывают не только сферы экономики, политики, языка, научных открытий и изобретений, но и другие, вплоть до распределения гравитационной плотности звездных систем! По сути, в лице этих распределений наука имеет дело с универсальными (при этом — древовидными, р-адическими) структурами коллективного (а лучше сказать — мирового, в смысле Э. фон Гартмана) бессознательного вопреки тому, что утверждают постмодернисты («Нет универсального бессознательного, как на том настаивает психоанализ» — Ж. Бодрийяр, [1, с. 37]; «Почему не идет речи о следовании Юнгу» — Ж. Деррида, [9, с. 253]). Крайне важно понимать, что ципфо-паретовские распределения с математической точки зрения выражают ни что иное, как метрику р-адического типа. Силу и потенциальные возможности квантово-нелокального подхода в последние годы вынуждены признавать даже наиболее видные представители синергетического направления, заметно корректируя свои прежние идеи (см. об этом [2; 3]).

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
2. Буданов В.Г. Ритмокаскады в истории и модель будущего России //Материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», 16–19 октября 2006, г. Звенигород / под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006.

3. С. 44–59. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/BudanovRitm.htm> (дата обращения: 01.12.2012).
3. Буданов В.Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология, синтетические миры телесности. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/budanovii.htm> (дата обращения: 01.12.2012).
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 1999.
5. Данилевский И.В. Социально-философский анализ природы и инвариантов структуры политической власти: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2001.
6. Данилевский И.В. К проблеме интерпретации природы коллективного бессознательного // Проблемы человека в современном обществе: материалы Шестой КАНТовской науч.-практ. конф. Казань, 24 июня 2003 г. Казань, 2003. С. 34.
7. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ком-Книга, 2005.
8. Данилевский И.В. Россия и Европа. М.: КНИГА, 1991.
9. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000.
10. Дойч Д. Структура реальности: пер. с англ. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
11. Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего: Логический анализ. М.: Наука, 1990.
12. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Современные проблемы нелинейной динамики. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
13. Митина С.В., Либерман Е.А. Входные и выходные каналы квантового биокомпьютера // Биофизика. 1990. Т.5, вып.1. С. 132–135.
14. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: Инфра-М, 1996.
15. Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании. Часть II: Новая физика, необходимая для понимания разума. М.: Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
16. Пенроуз Р., Шимони А., Карптрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М.: Мир, 2004.
17. Петров В.М., Яблонский А.И. Математика и социальные процессы. М.: Знание, 1980.
18. Философские исследования оснований квантовой механики. К 25-летию неравенств Белла. М.: Философское общество СССР, 1990.

19. Хренников А.Ю. Моделирование процессов мышления в р-адических системах координат. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004.

20. Яблонский А.И. Модели и методы исследования науки. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

ABOUT NEW VERSION OF THE UNCONSCIOUS ONTOLOGY

Igor V. Danilevsky

Kazan State University of Architecture and Engineering; 1, Zelenaya str., Kazan, 420043, Russia

In the article the human psychology and social processes are examined through a prism of some modern representations about human mentality as quantum-like system and philosophical ontology. Author suggests, that these phenomena are connected with so-called «collective unconscious». Necessity of joint application of the p-adic mathematical analysis with representations about quantum-like processes of «collective unconscious» is accentuated.

Key words: p-adic mathematical analysis; «collective unconscious»; social processes; quantum-like systems.